

Цзи Линьси, не обращая внимания на попытки Су Цили удержать его, покинул комнату нетвердой походкой. Закрывая за собой дверь, он бросил мимолетный взгляд на царивший внутри разврат, и на его опущенном лице промелькнула холодная усмешка.

Он продолжал искусно разыгрывать мертвецки пьяного, пока не миновал порог таверны. Снаружи дул свежий ночной ветерок, а в небе высоко стояла ясная луна. Мурлыча под нос стихотворные строки, юноша в одиночестве наслаждался этим мгновением безмятежности.

Су Цили и впрямь не поскупился.

Роскошные яства и доброе вино — лишь глупец не разглядит за этой сладостью ядовитый мышьяк. Поддавшись зову плоти при виде красавиц, ученые потеряли рассудок, не понимая, что сегодняшняя слабость завтра обернется погубленной репутацией. В будущем, даже если они пройдут столичный отбор и захотят просить рекомендации, никто не рискнет поручиться за человека с такой славой. В лучшем случае их сошлют в глухомань доживать свой век мелкими чиновниками.

К тому же, разве могли эти девицы сравниться красотой с его прекрасным господином?

Стоило божественному взору Чу Юя пасть на сей мир, как любая красавица померкла бы от стыда. И он, Цзи Линьси, уже давно стал преданным рабом своего совершенства.

От избытка выпитого Линьси едва держался на ногах. Пустынная улица расплывалась перед глазами, а флаги лавок, колышущиеся на ветру, казались ему золотистым шелком. Споткнувшись о какую-то преграду, он плашмя рухнул на землю.

Немного поворочавшись, юноша перевернулся на спину и замер, раскинув руки. Серебряный свет луны, сияющей прямо над ним, окутывал его тело нежной вуалью. В затуманенном зоре холодный диск светила вдруг принял облик прекрасного принца, который почему-то печально хмурился, глядя на него сверху вниз.

Сердце Линьси сжалось от нежности. Он протянул руку к небесам и преданно прошептал:

— Почему же вы грустите?.. Скажите мне, что случилось, и я... я всё...

«Я всё решу для вас», — хотел он добавить, но не успел.

Сложив губы трубочкой, он запечатлел на ночном воздухе воздушный поцелуй, а затем, уронив голову набок, забылся глубоким сном прямо посреди мостовой. Лишь блаженная улыбка да тонкая ниточка слюны, стекающая по подбородку, выдавали, что он пребывает в краю чудесных грез, совершенно позабыв о реальности.

Глубокая ночь. Столица.

Тонкие струйки благовоний медленно сочились сквозь ажурную резьбу курильницы, наполняя покои призрачным туманом. Чу Юй очнулся от неглубокого сна и понял, что больше не сомкнет глаз. Поднявшись, он откинул полог и босиком прошелся по залу дворца, остановившись у набора бронзовых колоколец, присланных недавно из Управления дворцовыми делами.

Колокольцы разных размеров были подвешены на алых шнурах к бронзовой станине. Принц опустил на пол, обхватив колени руками, и некоторое время неподвижно наблюдал за ними, после чего протянул руку и едва коснулся одного из шнурков.

День... День-день-дон...

Мелодичный перезвон эхом отозвался в тишине. Прижавшись щекой к руке, скрытой тонким шелком белоснежной нижней рубахи, Чу Юй заворуженно следил за игрой света. В его янтарных глазах, словно в глазурованной чаше, отражался блик догорающей свечи, напоминающий крохотную звезду. Глядя на мерно качающиеся колокольцы, он почувствовал, как напряжение покидает его, и губ коснулась едва заметная улыбка.

Цзи Линьси очнулся на рассвете, когда небо еще только начало светлеть. Сон его был коротким, но на редкость сладостным. Ему привиделось, будто та девица, что подносила ему вино в таверне, вдруг обернулась прекрасным принцем. Вначале он был полон пренебрежения, но, взглянув в сторону, замер: перед ним сияло белоснежное лицо его божества.

Принц был облачен в наряды куртизанки, и в мерцании свечей его красота казалась почти невыносимой. Каждый изгиб бровей, каждый взгляд лишали воли, а когда он разомкнул губы, послышался голос, подобный небесной музыке:

— Господин Цзи... неужто вы и мое вино не желаете испить?

Линьси судорожно сглотнул, не в силах отвести глаз.

— Выпью! Выпью! Как же... как же иначе? Конечно, выпью!

Схватив юношу за тонкое запястье и не отрывая взгляда от его лица, он припал к кубку, осушая его до дна.

Вино было божественным. Никогда прежде он не пробовал ничего столь ароматного; казалось, это был нектар, достойный самих бессмертных. Хмель мгновенно ударил в голову, окончательно лишая рассудка.

— Ах! — нежно вскрикнул принц, и на его лице проступил едва заметный румянец. — Господин Цзи, я вовсе не просил вас пить моё вино... Я хотел, чтобы мы скрестили кубки и выпили вместе...

Скрестить кубки? Не это ли делают новобрачные, выпивая чашу брачного вина?

Линьси поспешно схватил свою чашу. Тут подвернулся назойливый Су Цили, бормоча что-то о помощи, но юноша даже не стал вслушиваться. Помощь? Какая еще помощь?! Ему никто не был нужен!

Грубо оттолкнув помеху, он прижался всем телом к красавцу, переплетая свои руки с его.

— Скрестить кубки... Это хорошо... чудесно...

— Я имел в виду просто коснуться чашами, а не пить брачное вино, господин Цзи! Вы... — Принц прикусил губу и с притворным гневом бросил: — Вы невыносимо распутны!

Бесстыдник? Что ж, верно, он и был бесстыдником.

И тогда ложный обряд стал истинным, а скучный пир обернулся брачной ночью.

Счастливый Линьси обнимал деревянный столб, лизал его и терся лицом, пока один из лавочников не открыл дверь, готовясь к новому дню. Зевнув, тот распахнул створки и увидел темную фигуру, прилипшую к столбу у входа и издающую странное довольное причмокивание. От испуга хозяин лавки вскрикнул и, схватив стоящую за дверью палку, принялся охаживать незваного гостя. Это мгновенно вырвало Линьси из объятий грез; он резко вскочил, ударившись затылком о злополучный столб, и завыл от боли, хватаясь за голову.

— Кто?! Кто посмел меня ударить?

Поняв, что перед ним всего лишь очередной пьянчуга, лавочник облегченно вздохнул, но тут же преисполнился гнева:

— Свихнулся, что ли?! Если напился — иди спать в другое место! Устроил тут... я уж подумал, привидение! Чуть сердце не выскочило!

Под градом ругательств хмель окончательно выветрился. Цзи Линьси поднялся, бормоча извинения, и с гудящей головой поспешил прочь. Добравшись до почтовой станции, он

ввалился в первую попавшуюся карету и, массируя лоб, велел везти его к пристани.

— Эх...

Вырвался у него полный горечи вздох.

Ну почему этот старик не мог подождать еще хоть немного? Теперь всё пропало — дивная весенняя ночь рассыпалась прахом. Его сладостное единение с прекрасным принцем...

Когда Линьси, помятый и растрепанный, вернулся в Академию Юэтянь, Хуай Сююн, увидев его вид, решил, что тот провалился. Учитель уже приготовился было утешать ученика, как вдруг узнал ошеломляющую новость.

— Что?! Цзеюань?! Ты?! — Глаза Хуай Сююна едва не выскочили из орбит. — Ты часом не ошибся?!

Линьси, уплетая кашу, невозмутимо отозвался:

— Всё верно. Я — цзеюань.

Переспросив еще несколько раз и убедившись, что это правда, учитель принялся взволнованно мерить комнату шагами, хлопая в ладоши.

— Надо же, цзеюань... Это... что же теперь делать?

Стук-стук.

Линьси, решив, что палочками есть слишком долго, допил кашу через край и обернулся:

— О чем вы, учитель? Что делать?

Хуай Сююн замер, и на его лице отразилась целая гамма чувств: от зависти и досады до гордости и облегчения.

— Ты не проучился в академии и года, а уже стал цзеюанем. Как после этого жить другим ученым? Подумай сам: люди грызут гранит науки с пяти лет и даже уездный экзамен не всегда сдают, а ты — студент, который поступил только в прошлом году, едва не вылетел за неуспеваемость и заплатил огромный взнос, — в этом году становишься первым в провинции! Слух об этом неминуемо достигнет столицы. Даже отпрыски знатных столичных родов будут

вынуждены признать твой талант.

Юноша облизал пустую чашу, и в его глазах вспыхнул азарт:

— В столице тоже узнают?!

Значит, еще до начала столичных экзаменов прекрасный принц услышит его имя из уст других людей? Будучи мастером воображения, Линьси тут же представил их новую встречу: божество смотрит на него сверху вниз, и в его глазах читается неподдельное восхищение.

«Так это ты тот самый Цзи Линьси, что за год достиг вершины и стал цзеюанем»

«И впрямь, статен и величественен, словно феникс в небесах. Не чета простым смертным»

Он с грохотом поставил чашу на стол. Жажда знаний вспыхнула в нем с новой силой: несмотря на усталость, он чувствовал, что готов проглотить пару книг, прежде чем лечь спать.

Однако не успел он раскрыть свиток, как весть о его триумфе, подтвержденная новым уездным судьей, знающим дела Юнчэна, долетела до академии. Глава академии вместе с наставниками и самим судьей поспешили к его дверям.

Стук-стук... Стук-стук...

Снаружи раздался голос Главы академии: он велел Хуай Сююну отпирать, пояснив, что уездный судья привез положенные Цзи Линьси награды и жалованье от двора, а вместе с ними — приглашение на Осенний пир.

<http://bllate.org/book/15344/1412907>